

Шахимарден

Шарф

– Это ужасно... Он стал кидаться на меня, – прошептал Балерун и, оглянувшись, осмотрелся пристально, как герпетолог. – Такое длинное, гибкое, встает на хвост, с незаметной головкой, но с лязгающими, мельтешащими спицами в пасти... и это бросается на тебя!

Еще то впечатление! Как впиалась она занозой в память А-баева лет так порядочно назад, так и сидела в ней, как коммунистический гимн «Вставай, проклятьем заклеенный, весь мир голодных и рабов...».

Балерун – актер. А-баев знал различные его сценические состояния. Особенно он хорош в роли горьковского Сатина: ему чужд вещизм, он свободен от брака, детей, ордера на персональную квартиру и склонен к парадоксальным проповедям. Он много лет солировал на академических подмостках, но свободен и от бранных званий. Вот уже полгода Балерун на пенсии. Энергоемкий, атлетически кованный пенсионер тридцати восьми годочков. Через час, после того как Балерун унес в своем сердце любовь к балету и трудовую в кармане из театра классического танца, он остро и болезненно затосковал. О том, как он тяжело заболел душевной тоской, он долго и скучно рассказывал психиатру А-баеву, своему старому приятелю. Каждый может поведать о такой же истории, все они по своей сути банальны: загрустил – выпил – еще сильнее загрустил – запил – с похмелья жить не хочется...

– Я убедился, что в нашем преклонном возрасте, – разглагольствовал он в сыром полуподвальчике пивной, – процесс спивания крайне болезнен. Все в организме попритерлось, где-то покрылось мхом, сложно все расшатать, нет гормональных всплесков, не мальчики. Конечно, если очень постараться, изо дня в день упорно наливаясь, желательно креплеными винами, то за три-четыре года можно добиться нужного эффекта, но на это надо бросить все оставшиеся силы, здоровье, а главное – время. Обыватель привычно презирует алкаша как падшее, вымирающее животное со слабыми рефлексамми, и все от тотального непонимания тех, кто героически возложил свою жизнь на алтарь винного прилавка. Как нам представляется пьяница? Банально: скотина, мразь, свинья... А это не так. Алконавт – сильная, волевая личность. Далеко не всякий человек решится, найдет в себе силы лишить себя всех прелестей быта, как-то:

чистой одежды, прав автолюбителя, бесконфликтности с соседями, вкусной и здоровой пищи. Ты бы смог сделать такой отчаянный шаг?

– Нет, – признался А-баев откровенно, малодушно отодвигая от себя пивную кружку.

– А он смог! – патетически воскликнул Балерун и, словно маг, вытянул откуда-то из-под стойки за лацкан обтрепанного пиджачка алконавта с мокровато-розовой плесенью на лбу.

Балерун с восхищением оглядел его, аккуратно разжал свои железные пальцы и упустил свой демонстрационный предмет снова в темные воды океана спиртосодержащих жидкостей, когда-то уже выпитых человечеством. Алконавт булькнул и канул с глаз.

– А ощущение хронической головной боли, рези под ребрами в атрофированной печени? А любовь? Добровольно отказаться от любви к себе, от материнской любви, любви женщин, строгой, но теплой любви коллектива... нет, для этого надо иметь сверхчеловеческие качества... А что он получил взамен? – Балерун и врач направили взоры на заплесанный пол, но пивной супермен успел куда-то уползти. – Ничего! Ты можешь понять этот предел бескорыстности? Я ожидал продолжения его блистательного монолога, но Балерун внезапно оборвал свою речь, поскукнел и сник.

– Но ты-то личность сильная... ты сможешь, важно только начать... – робко поддержал его А-баев.

– Нет, и я не смогу, – ответил он. – Пьешь, а тоска не уходит, чувствую, как она только заспиртовывается во мне на веки вечные, скручивается в спираль и царапает желудок. – Балерун поморщился от боли. – Но что делать? Пить я больше не могу. Бегаю по утрам, обливаюсь ледяной водой, все бесполезно.

– Давай, выпишу тебе транквилизаторы, – предложил приятелю А-баев.

Балерун отказался от лекарств и надо же было психиатру, тогда еще не романисту, посоветовать ему заняться спицетерапией. Сидишь тихонечко, уединенно, вяжешь, петельки накидываешь, и ничего тебе не нужно, а главное – эмоции вяжутся в какую-то конкретную вещь, ровно покидая тебя. Чисто так, спокойно.

– А-а... бред все это собачий, – ответил он и зашагал из пивной, так и не выпив ни глоточка холодненького «Жигулевского».

С этого дня он исчез, через месяц А-баев затревожился и навестил его. Последние два года Балерун снимал однокомнатную квартиру у неведомых никому молодоженов, отправившихся, как ему передали, буквально прямо из-за свадебного стола в тундру спрессовывать в сберкнижку нефтерубли. «Видимо, в тундру», – утверждал Балерун. Это географическое представление ассоциировалось в его мозгах с пустой, необжитой квартирой легких на ногу юных супругов. А-баев попытался поставить под сомнение тундровую гипотезу, предложив вариант туркменской пустыни.

– Нет, – твердо отверг тогда мои слова Балерун. – Квартира, как ты, возможно, заметил, находится с теневой стороны. Сумрачно, вечная мерзлота. И потом, где ты тут видишь пески?!

Психиатр хотел ответить, что не видит здесь и оленей, но в то время Балерун входил в образ чеховского Иванова и страдал от непонимания его душевного состояния людьми. И поэтому его немой, но полный мук взгляд заставил доктора примолкнуть. Вот она сила искусства! Конечно же, он не спал на голом полу, точнее на линолеуме. В комнате был расстелен гигантский ковер – его единственная личная собственность.

В конце каждого месяца ровно в полночь Балеруна посещала угрюмая старуха в черном, когда-то торговавшаяся с ним о сдаче этой железобетонной клетки с санузелом в наем. Являлась она за квартплатой. Склонность к ночным посещениям, молчаливость и костлявость старухи тревожили, даже пугали Балеруна, и он всегда сразу же безропотно отдавал ей дань в пятьдесят рублей.

Итак, врач не скорой помощи навестил его. И застал за вязанием. Оказалось, что он все же приобрел спицы, освоил нехитрую технику постукивания ими и уединился в мерный ритм вязания. Исчезая между спицами в его пальцах, шерстяная нить нервно стекала вниз не широким шарфом, и, видимо, вместе с нею в дерганные петли капала и какая-то часть душевной тоски списанного на пенсию Балеруна. Это ощущалось. Связав за этот месяц метра два шерстяной полосы, Балерун привел маятник остановившихся часов своего существования в состояние размеренных колебаний, и вскоре сам появился в театральном баре. За чашечкой кофе теперь он производил впечатление посвященного в культуру дзэн-буддизма монаха, погрузившегося в глубокое философское созерцание мира.

– Я, – заявил он А-баеву, – прошел уже две ступени земель бодхисаттвы: ступень радости по поводу избавления от ошибок и ступень очищения – достижения совершенства в моральном отношении. Теперь же постигаю третью ступень – ступень понимания, и это начало проникновения в глубокие истины.

Насчет этих ступеней лечащему специалисту в области душевных катаклизмов нечего было сказать, но то, что пациент действительно ожил, было, без сомнения, фактом. Сказалась ли спицетерапия или то, что он совершенно отказался от алкоголя, для лечебного эффекта было неважно. А может быть, просто время, ведь время, как говорят, лечит. Но, по крайней мере, Балерун посвежел. Он даже принялся строить творческие планы, видите ли, ему приснился сон, что в каком-то театре танцев появилась новая сцена, и она якобы все расширялась и расширялась, да так, что на ней можно было даже расстелить ковер. Однако прошла неделя, вторая, и состояние Балеруна вновь стало тревожить А-баева. Нет, это уже была не ситуационная депрессия, это было гораздо сложнее. Естественно, доктор не мог оставить его в беде и заставил во всем признаться. Он долго отмалчивался, отнекивался, но все же...

Ночью, в какую именно, Балерун не уточнил, он проснулся от торопливо-вороватого металлического постукивания. Так звякают отмычки на

кольце или какая-нибудь расшатанная при ветре задвижка на раме окна. Балерун приподнялся на постели, и тут же странный звук затих. Балерун вновь припечатал свою голову к доверчивой подушке, и стук возник опять. Но Балерун нашел в себе мужество и упорство заснуть. Это был, с его слов, последний здоровый сон в его жизни. Утром Балерун, после известных гигиенических процедур, одеваясь, обнаружил только один свой шерстяной носок. «Носки – это не перчатки, – сказал тогда он себе. – Они не исчезают вне дома, легкомысленность им не присуща. Значит, он где-то здесь. Эй, ты где?». Носок не только не появился, но даже не отозвался на отеческий зов Балеруна. И ему пришлось натягивать на свои ноги с отвратительно, как у гориллы, развитыми, подвижными и мускулистыми большими пальцами синтетику, хотя весна на улице все еще не могла решиться разорвать свою затянувшуюся интимную интрижку с престарелым, но еще крепеньким морозом.

Надо заметить, что Балеруны крайне нежно и внимательно относятся к ступням своих ног, не меньше, чем пианисты к пальцам кистей. Холят их, массируют, протирают цветочной водой, и все равно, для непривычного глаза они выглядят странно. Так в тонких эрзац-носках Балерун и направился в то утро на прогулку. Вернувшись домой, он не обнаружил уже и второго шерстяного носка, брошенного им у неубранной с ковра постели. В полночной темноте металлическое постукивание возникло вновь. На этот раз Балерун не поленился, встал, проверил все шпингалеты на окнах. Они, как, впрочем, он и ожидал, были намертво ввинчены в дерево. Балерун задумчиво оглядел свое пустое жилье, задумался – не мог же позвякивать бахромой ковер... «Мышь! – неожиданно для себя решил Балерун. – Но почему она клацает металлически? Потому что фиксатая».

Балерун накинул на язычок электровыключателя петлю из суровой нитки, а ее саму перекинул через торчавший кстати гвоздь в стене и протянул свободный конец к постели, выключил лампочку и, устроив так оригинальную световую ловушку, прикинулся спящим. Как только что-то снова зашуршало и принялось приглушенно позвякивать, Балерун резко потянул нить, и выключатель щелкнул, комната ярко осветилась. То, что он увидел, было невозможно.

– Знаешь, – прошептал он. – Ты не поверишь. От приоткрытого чемодана через комнату в коридор метнулось что-то длинное и ползучее. И я закричал.

Балерун – мужчина не робкого десятка. Он встал, осмотрел всю комнату, квартиру, но это длинно-ползучее бесследно исчезло, возможно, забилось под ванну, возможно, забралось на антресоли. Балерун заглянул и в чемодан, это змееподобное существо могло откладывать там яйца, но следов пребывания пресмыкающегося он там не обнаружил. Зато один рукав его любимого свитера пропал. Балерун сел на ковер, принялся шевелить пальцами ног и извилинами мозга. Почему это существо не укусило его спящего, а копалось в чемодане? Вещи как материальная ценность вряд ли интересовали этого гада, а значит, оно искало жратву. Шерсть есть можно? Моль ест. Значит, эта штука сожрала и носки, и рукав единственного свитера. Как ни было жалко, утром

Балерун бросил обгрызенный свитер посреди комнаты, вышел в коридор, хлопнул входной дверью квартиры и, тихо развернувшись, пробрался через комнату на балкон и там затаился. Через полчаса из полумрака прихожей появилось оно.

Это был недовязанный шарф!

Шарф опасно замер на пороге, затем, увидев на полу беззащитно распростертый свитер, потерял осторожность и, бросившись на свитер, как на задремавшую овечку, вцепился в конец свободной шерстяной нити кончиками спиц. Время от времени шарф удовлетворенно замирал, но через минуту вновь с лютым вожделением принимался перевязывать на себя распускавшуюся нить.

– Первые дни, – рассказывал Балерун, – он от меня скрывался. Я стал его прикармливать. Правда, возникли некоторые неудобства, пришлось свернуть и вынести на балкон ковер, ну сам понимаешь, все-таки это дорогая вещь, а потом память о покойной бабушке. Спать я стал прямо на линолеуме, а шарф иногда пристраивался у моих ног. Мне очень хотелось его приручить. Помнишь, Лис у Сент-Экзюпери говорит, что приручить – означает создать узы единства в целом свете. Я чувствовал, что мы с ним сойдемся характерами.

– Нет, на роль Маленького принца ты не потянешь. Староват. У тебя галлюцинации, слуховые и зрительные. Паранойя, – установил диагноз психиатр. – Вот до чего тебя твой буддизм довел с его землями бодхиватвы. Лечиться надо, и срочно. Пошли в дурдом.

– Не бодхиватвы, а бодхисаттвы, а в свой дурдом сам иди, дурик, – огрызнулся Балерун и ушел, не дав схватить себя за локоть.

Ну не вязать же его... Прошла еще неделя. Как-то А-баев стоял на углу бульвара Мира и Советской улицы и случайно увидел в большом окне проезжавшего мимо автобуса Балеруна. Он помахал врачующему дружку рукой и указал на длинный, пестрый шарф, болтавшийся спиралями на его шее. И на лице Балеруна, и в уютных складках шарфа А-баеву почудилась некая радость теплого общения, автономно существующая между ними двоими вне окружающих, с их семьями, друзьями, собаками умных пород. И, видимо, желал хотя бы с психиатром поделиться прекрасными чувствами. Он мог сойти с автобуса на ближайшей остановке, пойти приятелю навстречу, но прокатил мимо. Они так и не встретились. Кто-то рассказывал, что видел Балеруна на днях с удивительно юной девушкой, уже зрелой, но наивно-неловкой, какой бывает только первая записка на белоснежном листе в жизни человека, адресованная первой любви. Врачеватель душ этому не поверил, это не ампула Балеруна.

В конце апреля жизнь А-баева осложнилась двумя затяжными процессами: он решил отрастить бороду и развестись. И первое, и второе заставило его долго и много нервничать, особенно изматывали бесконечные выяснения женой причин появления волосяного покрова на лице изменника. К осени А-баев окончательно убедился, что и развод, и борода не для него. Он побрился, съехался с семьей и, наконец, вспомнил о своих приятелях из

театрального бара. Конечно же, в первую очередь о Балеруне. Но и он тоже хорош, мог бы и сам появиться, однако же нет, словно сквозь землю провалился. Никто о нем ничего не знал. Для врача областной психиатрической больницы стало ясно. Он купил банку яблочного сока, две булочки, кефиру, пару дорогих – 60 копеек! – пачек сигарет «Медео», и поехал навестить больного в городской клинике для душевнобольных. Проехав несколько остановок на троллейбусе, он все же сошел на улице, где раньше проживал Балерун, на всякий случай, диагноз мог быть отяжелен преступным деянием и тогда бы пришлось ехать в спецотделение на Сортировочной станции.

Дверь квартиры Балеруна ему открыла блондинка лет тридцати.

– Вы к мужу? – сразу уточнила она, разглядывая свои багрово-удлиненные ногти. – Он там, внизу, в гараже, – и захлопнула дверь.

А-баев спустился во двор, ничего не понимая. Там, под дальними деревьями, действительно ворота одного из железных гаражей были распахнуты.

– Это ужасно... Он стал кидаться на меня, – прошептал Балерун и, оглянувшись, осмотрелся пристально, как герпетолог. – Такое длинное, гибкое, встает на хвост, с незаметной головкой, но с лязгающими, мельтешащими спицами в пасти... И это бросается на тебя!

Приятели сидели вместе в гараже на новеньких покрышках и разговаривали.

– Что же мне делать? – обреченно спросил Балерун, поглядывая на мою сетку. – Это что там у тебя?

– Да вот... передачу тебе в дурдом нес, а ты в гараже на покрышках.

– Скрываюсь... Ну, давай, что ли, кефир.

– Да выбрось ты все это из головы, а шарф на помойку.

– Нет, не могу... ведь он как бы часть моя, с такой тоской и болью связанная, самая кровная.

– Он же у тебя был совсем ручной, ты же рассказывал, – спросил я, доставая из сетки бутылку с кефиром. – Кажется, я даже видел его у тебя на шее, если это был он.

– Пестренький такой? – с внезапно прорвавшейся нежностью почти пропел Балерун, взбалтывая кефир. – Тут, понимаешь, все гораздо сложнее, – и помрачнел. – Он бесится оттого, что я сплю с этой...

– Да, поздравляю! Ты, оказывается, женился, – воскликнул я, протягивая ему руку для пожатия.

– Да не жена она мне! – разозлился он. – А что мне было делать?! Прикатила месяц назад, бросила где-то там в тундре своего молодого человека и с барахлом своим ввалилась прямо на мой ковер. Мне, конечно, было сказано, чтобы немедленно выселялся, но я уперся: мол, заплатил за месяц вперед. Она мне обратно деньги, у нее их куры не клюют, но я все равно остался... на свою голову. А он ничего не хочет понимать, совсем как ребенок. Рассердился...

– Хватит трепаться. Шарфу-то какое дело, с кем ты там спишь.

Балерун промолчал, а потом, допив кефир, неохотно произнес:

– Да это он из-за Асель...

А-баев расхохотался:

– О-о, подуло гриновским норд-остом в алые паруса, – сострил он, как ему показалось, удачно. – Слушай, есть какой-нибудь предел твоему актерскому трепу?

– При чем здесь Грин? – откровенно обиделся Балерун. – Ее зовут не Ассоль, а Асель, и она обычная студентка-первокурсница...

За короткий срок, со слов Балеруна, он и шарф близко сжились. Может быть, действительно было в них какое-то единое духовное начало, как у Создателя и Адама, после того как Бог вдул в глину из уст своих жизнь. Балерун взял сразу же на себя роль не только хозяина, но и воспитателя шарфа. Строго следил за его поведением, научил по утрам чистить зубы, то есть – спицы, прогуливался с ним перед сном по скверику. И это быстро нашло отклик в плотной вязке шарфа, он оказался на удивление ласковым и привязчивым, бросил ночами шастать по квартире и вообще жрать любую шерсть. В шарфе проклюнулся ленивец, любитель поспать. Он вытянулся, даже как-то потолстел. Ковер Балеруна вернулся из балконной эмиграции. Однажды Балерун, выгуливая свой шарф, забрел в дальнюю, пустынную аллею сквера. На одной из скамеек, словно в лодке, сидела тоненькая девушка. Балерун было беспечно прошел мимо нее, но шарф вдруг туго перехватил его дыхание, рванулся к краю скамейки и буквально, как кистью, вцепился в него. Балерун вынужден был присесть рядом с девушкой и волей-неволей обратить на нее свое избалованное слабым полом внимание. Девушка действительно, скинув свои резиновые сапожки и поджав под себя худые ноги, сидела в углублении парковой скамейки, словно в лодке среди бушующего мертвого моря: глаза она плотно закрыла, словно от страха гибели в пучине, перехватила плечики тонкими пальцами рук. Такая одинокая, потерянная... в этом давящем, ревящем, полыхающем неоновыми волнами миллионном городе. Наверное, она, прикрыв веки на бледном, как стеариновая капля, лице, видела тихую заводь покинутого родного дома где-нибудь на степном полустанке или в медовом горном ауле... кто же знает.

– Не понимаю, – задумчиво произнес Балерун. – Почему именно тебе я все это рассказываю? Еще чего доброго состряпаешь рассказик или пьеску... Но ты ведь, слава богу, не Гоголь?

– Как сказать... Хочешь яблочного сока?

– Давай. И булочки. Я стал много есть в последнее время. Какая-то внутри пустота, хочется забить ее хоть чем-нибудь. А раньше здесь, – Балерун прижал руку, свободную от булочки, к груди, – была одна Асель. Такая маленькая, а заполняла меня всего. Я не то чтобы полюбил ее сразу, а просто понял, что ее-то и любил всегда. В мире много совершенного, можно безумно любить картины Шишкина, личный автомобиль, почтовые марки, здание оперы и балета, затем вспаханное поле... да мало ли что, но все эти формы любви не соответствовали моему мозговому стволу с его бесчисленными и

запутанными нервными окончаниями. Это все искусственно создано: картины можно перевесить, автомобиль устаревает, поле можно и нужно заново вспахивать. Я же ее любил только так, как можно любить совершенно загадочный и в то же время полностью открытый в своей естественности уголок природы. Там можно быть только замерев, и созерцая немо. Даже приблизившись к нему, уже с болью понимаешь, что придавил башмаками травинку, мураша... Я даже не мыслил себе, что к ней можно прикоснуться. Лишь однажды, когда мы шли по тенистой аллее и разговаривали, мой шарф совершил ужасно пошлый и хамский поступок. Он как-то нагло перекинулся и одним краем обнял ее за талию. К сожалению, я поздно это заметил, лишь только тогда, когда Асель, внезапно замолкнув, заспешила домой, что-то смущенно говоря о строгости нравов общежития. Дома, конечно, я его зло отругал, он так тогда растерялся, ведь он, видимо, хотел как лучше для меня. Надо заметить, что появление в моей жизни Асель окончательно изменило шарф к лучшему, он буквально за несколько дней преобразился в существо удивительно нежное, доброе, мягкое и, представляешь, даже стал светиться в темноте, как будто в него были ввязаны фосфорные нити. Теперь я понимаю, это все было моим счастьем, но появилась эта... из тундры, и все скомкалось вдруг почти непоправимо.

– Ну это уж точно шизофрения! – не выдержал наконец психиатр. – Мой долг врача требует госпитализировать тебя, – засим любопытный А-баев спросил: – А где сейчас твоя Асель? Можно взглянуть на этот «уголок живой природы»?

– Не смей! – закричал Балерун. – Все как специально против меня складывается... Тундра эта прикатила, а Асель уехала на картошку со своим дебильным курсом... Вали отсюда!

Через год с небольшим А-баев как-то утром стоял на обочине дороги – «голосовал», пытаясь остановить такси. Минут двадцать махал рукой, мог бы на автобусе быстрее доехать. Как назло, попадались одни малосговорчивые типы, лишь один владелец «Жигулей» наконец тормознул: «Садись».

А-баев влез в машину, назвал адрес, пригляделся к человеку, смотрит – Балерун!

– Привет!

– А-а... привет, – ответил тот. – Ну как оно?

Поговорили о том о сем. Смотрелся он прилично, джинсы фирменные, пиджак кожаный. Давненько не виделись, да-а... Помолчали. Говорить стало не о чем, и тогда А-баев заметил, что Балерун больше не философствует. Ехать молчком со старым приятелем было неловко, и он с улыбкой спросил его о шарфе.

– Шарф? – переспросил он. – А, такой пестренький? Потерялся. А потом, черт его знает, кто его на балкон выбросил, там он зацепился за какую-то железку, повесился и распустился до самой земли с девятого этажа.

– Тосковал, наверное? – с надеждой восстановить прежние фантазмагоричные диалоги, спросил психиатр. – По Асель.

Признаться, об этой Асель он часто думал с того времени, все не верилось, что где-то на нашей Земле еще сохранилась девственная природа.

– Кто? Шарф? Да как шарф тосковать может? – усмехнулся Балерун. – Вот ты меня, кстати, всегда чуть ли не за своего пациента считал, тронутого. Да был бы я действительно умалишенным, если бы женился на той девчонке. Ни у нее, ни у меня прописки, а о квартире и говорить нечего. По сей день мотались бы по общагам да сарайчикам. Нет уж, спасибо. А помнишь, меня старуха каждый месяц ровно в полночь посещала, жутко пугая своей таинственностью? Мне казалось, что она приходит с того света, а все оказалось обычным: просто моя будущая теща работала рядом ночным сторожем в продмаге и ей удобней было приходить за квартплатой ночью. Это нам кажется, что в мире много невероятного, а все имеет под собой объяснимую реальную и меркантильную основу. Я сейчас тоже работаю во вневедомственной охране бригадиром, – он пощелкал пальцами и добавил с огорчением: – Трудно стало жить. Мало того, что хлеб белый, так ведь и икра черная.

– Останови, – заявил А-баев ему.

– Так мы же еще не доехали, – удивился Балерун, вернее Бригадир вневедомственной охраны.

– Я дальше пешочком. Тут недалеко.

– Да брось ты. Ладно. С тебя два рубля.

– Два рубля? Тогда довезешь до дома.

Доехали молча.